

Нургали Ораз родился 25 августа 1960 года в селе Монтайтас Казыгуртского района Южно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. В 1979 году в газете «Лениншил жас» (ныне «Жас Алаш») вышло его первое произведение – повесть «Долана» («Боярышник»). Перевел произведения Дж. Голсуорси, Х. Л. Борхеса, И. Кавабаты, И. Иноуэ на казахский язык. Является лауреатом издательства «Жалын», премии газеты «Қазақ әдебиеті», журнала «Парасат», литературной премии «Алаш», премии имени М. Кашгари. По мотивам его рассказов киностудия «Казахфильм» сняла полнометражный художественный

фильм «Әурелен». Спектакль «Адашқан жұлдыз» с 2010 года ставился в академическом молодежном театре им. Г. Мусрепова, пьеса «Таудағы түн» («Ночь в горах»), написанная по мотивам повести «Бақ құсы» («Садовая птица»), также входит в репертуар театра.

Нургали ОРАЗ

КРАЙ ОЖИВШИХ ЛЕГЕНД

Эссе

Широкая, бескрайняя степь, чистый воздух, напоенный горьковатым запахом полыни, и великая тишина, поглотившая всё вокруг. И в этом гулком безмолвии не уловить дыхания суетной жизни: ни шелеста птичьих крыльев, ни шороха крадущихся зверей – ни звука. Даже само стремительно бегущее время, за которым обычно не угнаться, будто остановилось внезапно. Белые перистые облака, плавно парящие хлопьями ваты, и плавающий в зените диск солнца словно на привязи – не двинутся с места. А путник, бредущий прямо посередине безбрежной равнины и превратившийся теперь в крохотное пятнышко, чувствует себя вечным странником, которому предстоит всё идти и идти по этому нескончаемому пути.

Неожиданно вдаль неясно показались гребни гор, дрожа и колеблясь сквозь голубое марево. Постепенно они становятся всё выше и выше и обретают внушительный вид, словно подпирая своими вершинами небосвод. И тогда путник, который продолжал всё так же идти и идти, не останавливаясь ни на миг, понимает, что приближается к другому краю необъятной долины. В этот момент то ли справа, то ли слева от него, там, где он только что прошел, появилось небольшое озерцо, сверкнувшее своей гладью точно круглое зеркальце, выпавшее из кармана какого-то великана. Из зарослей девственного камыша на берегу вылетела стайка мелких птичек и – вон они, уже исчезают в бездонном небе. Гуси и утки, бороздящие поверхность озера, призывно кричат, растягивая голоса, как будто зовут: сюда, сюда, здесь кипит базар жизни...

Если еще на несколько шагов приблизиться к горам, то по бокам от основной дороги появится густой сосновый бор, выстроившийся высокими, стройными рядами, словно бесчисленное войско, а еще чуть дальше, на крутых склонах вершин, высятся величественные ели, строго обзирающие округу сверху, будто полководцы свою рать. Высокие, тающие в небе пики гор напоминают мудрых, много повидавших на своем веку старцев с белоснежными тюрбанами на головах. На протяжении долгих веков стоят они в карауле, им всё в этом мире известно, всё понятно. Их не увлекут, не поразят ни высота, ни ширь, ни глубина. Им знакомы и грозно ревущий, с грохотом перекаत्याющий обломки скал безумный сель, и подобный дракону вселенский пожар, жадно протягивающий свой огненный язык; они познали грандиозную силу стихии и вышли из нее победителями – могучие и стойкие, настоящие богатыри.

За хребтом снова начинается привольная степь. Густой лес у подножия гор потихоньку редееет, и горизонт опять удаляется. Однако облик этой долины совсем не похож на прежнюю белесую степь: здесь больше холмистых, вздымающихся волнами возвышенностей и тенистых болотистых низин, покрытых голубовато-зеленым ковром, а травы здесь буйные и сочные. Вдали снова призывно маячит гора. Но она как будто не так высока. То ли верблюд, опустившийся на колени, то ли корабль, расправивший паруса...

Тем временем дорога неожиданно вывела путника к развилке. Куда идти: направо, налево, а может, двигаться и дальше прямо? Если пойти налево, путешественник выйдет к морю, к солончакам и голым скалам; если свернуть направо, его ждут шуршащие песчаные барханы, палящий зной и нестерпимая жажда, от которой пересыхает небо; ну а если двигаться дальше по прежнему маршруту, то впереди частые березовые колки, заросшие камышом озёра, болотистые водоемы, строптивые реки и высокие горы. И тогда путник изумится в душе: что это за край, где так разнообразна природа и так изменчив климат?

Это наша страна – Казахстан, государство, расположенное в центре Евразийского континента и по площади своей территории занимающее девятое место в мире. Расстояние от его западных границ до восточных – почти 3000 километров, а протяженность с севера на юг – свыше 1650 километров.

Когда на востоке страны утро озаряется восходом солнца, жители встают из теплых постелей и приступают к ежедневным хлопотам, а на западном краю всё еще глубокая ночь, заквашенная на черной мгле, и люди пребывают в крепком, сладком сне. Проблески рассвета появятся здесь лишь три часа спустя.

В то время как жители гор и лесных массивов сидят где-нибудь на берегу стремительного, весело журчащего ручья или наслаждаются нежным ароматом цветов в гуще буйно растущей зелени, обитатели пустынь в поту не спеша качают воду из колодца глубиной в сорок саженей.

Да, природа Казахстана удивляет своими контрастами, здесь можно увидеть всё, что душа пожелает: и растворяющиеся в небе неприступные вершины, покрытые вечными льдами и снегом, и загадочные озёра, чьи тайны сокрыты под толщей вод, и огромное синее море с встающими на дыбы, похожими на непокорных аргамаков белогривыми волнами, и скупые на красоте пустынные равнины, где солнце разливает нестерпимый огненный жар, и песчаные полупустыни со скудной растительностью, и размеренно текущие по своим руслам величавые реки, и девственные, непроходимые леса.

Самая нижняя точка Казахстана – впадина Карагие в Мангистауской области – находится на 132 метра ниже уровня моря, а высшая точка страны, пик Хан-Тенгри, расположенный на стыке наших границ с Китаем и Кыргызстаном, имеет высоту 7010 метров.

Эту величественную гору воспел в своих стихах выдающийся казахский поэт Мукагали Макатаев, сам подобный недостигаемой вершине, но наделенный широким степным нравом. Он, как могучий горный орел, любил высоту и чистоту. Всю свою сущность, всю глубину своей гордой души он выразил в этих строках, посвященных Хан-Тенгри:

Он крут!

*Он косо взирает на всё, что теснится у ног.
Краса его – Солнце, а дом ему – Неба чертог.
О, сколько столетий провел он не дремля среди гор?!
Старейший в Тянь-Шане, суров несгибаемый взор.*

*Кого-то и сопка своей привлечет высотой,
Но низость вершины меня не манит красотой.
Люблю я природы величие и чту я размах,
Суровость и гордость ценю в неприступных горах.*

Горы есть горы, тем не менее нельзя забывать о том, что больше половины территории Казахстана занимают безводные пустыни и полупустыни, свыше четверти ее площади – степные равнины, и небольшая часть приходится на лесные массивы.

Говорят, в давние-предавние времена, когда Аллах создавал мир, он распределил между разными народами большие моря и широкие реки, высокие белоснежные горы и непроходимые леса, сквозь которые даже мышь не пролезет, сады и рощи, богатые фруктами и ягодами, а казахам достались безводные жаркие пустыни, где только песка вдоволь, и бесплодные глинистые земли. Недовольные такой дележкой, казахи взмолились, обратив свои взоры к небесам: «О наш Создатель, как же так? Ты хочешь оставить нас без приюта, без вкусных плодов и тенистой прохлады, ты хочешь оставить нас ни с чем?! Если коржын твой опустел, не дашь ли нам хотя бы чуточку того, что осталось на дне твоей переметной сумы?» Но, похоже, ответа от Аллаха им не суждено было дожидаться. Тогда безбородый обманщик Алдар Косе, слывший в народе балагуром и хитрецом, предложил ангелу, что раздавал из сумы Творца богатства природы, сыграть с ним в прятки. Добрый душою и чистый сердцем, ангел, не чувствуя подвоха, согласился. Чтобы спрятаться от Алдара, он вытащил из коржына гору, поставил ее на землю, а сам схоронился под ее прикрытием. Та гора так и осталась на земле казахов и с тех самых пор зовется Букпа, то есть «укрытие». В заботах о народе Алдар Косе не терял времени попусту: пока играли в прятки, он продырявил один из углов сумы, которая висела на плече у ангела. Вот через эту дыру, рассказывают, и просыпались на казахскую землю большие и маленькие горы, реки и озёра, леса и рощи.

У легенды есть и несколько иное продолжение: великий и милосердный Аллах все-таки сжалился над казахами, которые, воздев к небу ладони, молили его о своих мечтах, и вытряс над их степью остатки природных богатств, приставших ко дну его сумки.

Невольно приходит мысль: ради красного словца прашуры, сочинившие эту легенду, явно принизили наши горы с заоблачными пиками, леса, благоухающие волшебным ароматом, голубые озёра и ковыльные степи, над которыми с утра до вечера, не зная устали, поют жаворонки. Да разве можно назвать такие богатства «остатками»?!

* * *

Кокшетау, озеро Бурабай и сосновый лес в его окрестностях – самый прекрасный и живописный край Северного Казахстана, земля чудес, где каждый камень, каждая пылинка воспеты легендами и поэтическими сказаниями. Наверное, не найдется ни души, кого не восхитила бы красота голубых вершин Кокше. Здесь в разное время родились и творили выдающиеся представители казахской литературы и искусства Биржан-сал, Укили Ибрай, Ахан-серы. Чарующую природу родной земли они воспели и вознесли ввысь в своих бессмертных стихах и песнях.

Страстно влюбленный в ее красоту и сам благородный и гордый красавец, поэт, певец и композитор Сакен Сейфуллин, чей тернистый путь по тяжким дорогам судьбы завершился трагически, в своей поэме «Кокшетау», словно вышивая строками, ясно рисует перед глазами волшебную картину природы Кокше:

<i>Гора Кокшетау стройна, как сосна,</i>	<i>Высокие сосны растут на горе,</i>
<i>Дождями свой лик умывает она.</i>	<i>Березы поднялись в зеленом шатре,</i>
<i>Плывут облака над ее головой,</i>	<i>И ветер, пьянея от трав и цветов,</i>
<i>Справляются: в здравьи она или больна?</i>	<i>Колышет деревья на ранней заре.</i>

<i>Озёра ее окружили толпой,</i>	<i>С вершины не сходит лиловая мгла,</i>
<i>И каждое – в чаше лежит золотой.</i>	<i>Ни разу ее не коснулась стрела...</i>
<i>Коль вы нездоровы, езжайте сюда:</i>	<i>Вдохнула б душа чистый воздух горы –</i>
<i>Недуг исцеляет наш воздух степной.</i>	<i>До гроба его бы забыть не смогла!</i>

Перевод В. Корнилова

Если внимательно взглянуть издали в очертания Кокшетауских гор, прозванных в народе «земной холкой», они напоминают великана-богатыря, спящего посреди густого леса. Впечатление от этого необычного зрелища, возбуждающего фантазию, видимо, и стало основой для одной местной легенды.

Однажды в глубокую старину славный Жеке-батыр, имя которого почитал весь народ, крепко заснул здесь, когда стоял в карауле. С тех самых пор он и по сей день не пробудился. Его богатырский сон не смогли нарушить ни рассвет, занимающийся ярким заревом, ни дующий порывами ветер, ни закруживший метелью снег, ни ливнем пролившийся дождь...

У этого предания есть и другой вариант.

На благодатную землю Кокше напал жестокий враг. Знаменитый Жеке-батыр встал на ее защиту и схватился с несметными полчищами, круша и рубя чужеземцев направо и налево. Дождем ядовитых стрел поливали отважного героя вражеские воины, и вот одна из них настигла и смертельно ранила богатыря. Умирая, Жеке-батыр, чтобы не пропустить захватчиков на свою мирную землю, лег поперек ложбины между двумя горами. Так, сам обратившись в гору, он преградил путь неприятельскому войску.

Вершина Жеке-батыр и впрямь напоминает собою воина с остроконечным шлемом на голове, с прямым носом и густой бородой, закрывающей грудь.

Высокие, идеально прямые сосны, как будто мечтающие подпереть своими кронами лазурное небо, белоствольные красавицы березки с зелеными покрывалами на ветвях, терпко пахнущая арча, камни-сундуки, аккуратно сложенные ровными рядами, точно прибранные опрятной хозяйкой, прозрачные и чистые, как слёзы красавиц, озёра – похоже, это самая чудесная из картин, созданных великим художником Природой.

Еще одно из ее замечательных творений – вершина Окжетпес, стоящая вплотную к озеру Бурабай. Эта гора стала основой множества песен и поэтических произведений. Любопытна и старинная легенда, повествующая об этой вершине.

Знаменитый хан Аблай, вдребезги разгромив в одном из своих походов калмыков, возвратился домой с богатой добычей. И вот, чтобы справедливо разделить ее, собрались подданные хана у подножия этой вершины. Как обычно, быстро поделив золото и серебро, скот и имущество согласно заслугам и возрасту каждого, когда дошла очередь до плененной девушки-калмычки, воины шумно заспорили и так и не пришли к общему согласию. Дело в том, что девушка была необыкновенно красивой и грациозной, поэтому каждый мечтал увидеть ее хозяйкой своей юрты. И тогда хан предложил: «Пусть пленница сама выберет себе мужа». Услышав его повеление, девушка взобралась на вершину горы и крикнула собравшимся внизу: «Чья стрела долетит до моего платка и пронзит его, тому я и буду принадлежать», — и она взмахнула белеющим в руке платком. Кичась друг перед другом, воины натянули луки, но, то ли волшебные силы пришли на помощь пленнице, то ли удача отвернулась от недавних победителей, только ни одна стрела так и не долетела до вершины...

Начиная с того дня, говорится в народной легенде, эта гора и стала называться Окжетпес — «недосягаемая для стрел». Впоследствии пленница сама изменила свои условия и пообещала, что выйдет за того смекалистого джигита, который разгадает три ее загадки. Их она спрятала на похожей на корабль скале, возвышающейся посередине озера, которая с тех пор и зовется Жумбактас — Камень-загадка. Кто знает, возможно, так оно и было когда-то.

Народ на фантазии скор. Иногда он сюжет одной и той же легенды слегка изменяет, трансформирует, дополняет, каждый раз рассказывая ее по-новому. Вот и у этого предания есть несколько вариаций. Одна из них завершается как в доброй сказке: стрелы множества завистливых воинов не долетели до вершины, на которой стояла пленница, только одна-единственная пронзила заветный платок — ее пустил полюбившийся красавице с первого взгляда джигит. Они соединились и прожили долгую счастливую жизнь в мире и согласии. В этой концовке народ воплотил жизнеутверждающую идею: как бы ты ни был враждебно настроен, хоть состязайся в стрельбе, хоть сойдись в неравной схватке, всё равно выше всего на свете любовь и истинные чувства.

Озеро Бурабай, гора Бура (Верблюд)... В Кокшетау очень часто встречаются географические наименования, связанные с верблюдом. «А смысл вот в чем...» — говорят древние казахские старики и вновь не спеша, старательно, певуче углубляются в легендарный сказ.

...В давние-давние времена жил на белом свете один особенный верблюд. Туловище у него было громадное, сильное и очень стройное, а шерсть белая-пребелая, будто только что выпавший снег. Этот необыкновенный верблюд всегда заранее чуял приближающуюся опасность, которая угрожала народу, живущему у подножия гор Кокшетау, и, оказывается, когда такое случалось, он страшно бушевал, взбирался скорее на высокую скалу и грозно ревел, как бы предупреждая всех о надвигающейся беде. Какой тут начинался переполюх: горы и степь стонали, звери поднимали неистовый крик и рев, птицы испуганно галдели, да и на стойбищах кочевников поднималась суета. Здешний народ ценил провидческий дар буры, который не раз помогал ему избежать несчастий, верблюда почитали, поклонялись ему как благородному и священному животному. Поэтому скалу, с которой он возвещал об опасности, окрестили Бурой, а озеро, куда он ходил на водопой, прозвали Бурабай — «принадлежащее буре».

Однажды хан вместе со своими гостями выехал в увеселительную прогулку, чтобы поохотиться у подножия той горы. По дороге им повстречался белый верблюд. «Бура не станет молчать, предупредит зверье и птиц, он всю охоту нам расстроит, распугает дичь», — решил хан, нацелил свой лук и выстрелил.

Когда ядовитая стрела впиалась в тело, верблюд застонал и опустился на колени. Довольный этим, хан тем не менее не сжалился и выстрелил в животное еще несколько раз...

Омытый кровью с головы до ног, несчастный верблюд, белоснежная шерсть которого окрасилась в ярко-красный цвет, решил, что целебная вода поможет его ранам затянуться, поэтому из последних сил медленно поплелся к озеру. Но дойти не смог. По дороге он упал, навечно закрыл глаза и обратился в камень...

Издавна в речи местных жителей закрепилось стойкое выражение, которое непременно идет в ход, когда рассказываются легенды и сказки или когда акыны состязаются в своих поэтических импровизациях: «Восемь десятков озер на земле благодатной Кокше...» Действительно, окрестности Кокшетау очень богаты на озёра. По словам людей сведущих, в этих местах свыше полтора тысяч больших и малых естественных водоемов. А вот наиболее крупных, чьи размеры больше, чем в силах без остановки проскакать конь, как раз восемьдесят. Кстати, длина конской скачки – одна из характерных единиц измерения, которыми кочевники-казахи в старину определяли расстояния.

Но вернемся к нашему рассказу: порядка десяти больших озер расположены в окрестностях Бурабая, поблескивая зеркалами своих поверхностей у самого подножия щеголеватого красавца Кокше.

Примерно в 15–20 километрах от Бурабая находится озеро Котырколь, состоящее из двух водоемов, разделенных песчаной косой. Удивительно живописное озеро. Его северный водоем большой и округлый, а южный намного меньше, довольно узок и вытянут в длину. Большое озеро богато рыбой, вода в нем незамутненная, очень чистая. Ну а южный водоем сплошь зарос у берегов камышами.

В окрестностях Бурабая есть еще пять озер, именуемых Шалкарскими, самое крупное из них – Большой Шалкар. Местные жители называют его Айнаколь – Зеркальное озеро. Видимо, в этом сравнении нашли отражение его красота, прозрачность и чистота озерной воды.

Самое глубокое из кокшетауских озер – Шортанколь. Длина его около семи километров, ширина – более четырех, а глубина в некоторых местах достигает 45 метров.

Чудесный сосновый бор Бурабая, который зелен и потрясающе красив в любое время года, завораживает глаз, от его созерцания всегда приходишь в восхищение. Поэт-буревестник Ильяс Джансугуров так описал Бурабай в своей знаменитой поэме «Кулагер»:

*Лес застыл в истоме, тих зеленый бор,
Как глаза красавицы – синева озер.
Камешки округлые спят на берегах –
Жемчугов литых, кораллов, яхонтов набор.*

*К склонам сочная трава, поднимаясь, льнет,
Будто бы зеленый гарус кто-то долго вьет.
Белосахарный слетает на вершины дождь,
Между скалами струится родниковый мед.*

Перевод М. Луконина

Разве скажешь лучше?! Строчки стихов словно льются струйками светлого летнего дождя. Наш рассказ о «земной холке» Кокшетау, наверное, к месту завершить этими колдовскими образами, вплетенными талантливым пером в поэтическую ткань.

* * *

На севере Казахстана есть еще одна замечательная округа, природа которой изумляет своим богатством, – это **Баянаул**. Здесь каждый кустик голубовато-зеленых лесов слагает песню, каждый камень причудливой формы скал нашептывает тайны истории. А все здешние легенды связаны с именем красавицы Баян-сулу, уста которой подобны месяцу, а блеск прекрасных глаз сродни свету солнца.

Печальная и задумчивая история о двух молодых влюбленных, жизнь которых прошла в мечте соединить свои судьбы, лирический эпос «Козы Корпеш – Баян-сулу» появился на свет полторы тысячи лет назад.

Выехали как-то поохотиться два друга: жадный Карабай и добродушный Сарыбай. Карабаю принадлежали многотысячные стада скота, никто в близлежащей степи не мог и сравниться с ним в богатстве. Сарыбай был не так богат, зато честен и предан в дружбе. Много лет назад, когда их жены в один день принесли им долгожданных первенцев – дочь и сына, Карабай и Сарыбай решили породниться и стать друг другу сватами, а свой договор скрепили клятвой. В тот злополучный день на охоте, когда перед ними промчалась стельная маралиха, коварный и ненасытный Карабай стал подначивать сверстника Сарыбая: стреляй, да стреляй же! Не решался Сарыбай взять грех на душу, лишит жизни невинное животное, в чреве которого находился приплод, да и сердце чуяло нехорошее. Однако, чтобы угодить другу, он взял-таки маралиху под прицел и пустил стрелу. В утробе несчастной оказалась двойня маралят, но и им не суждено было жить. Бессердечный Карабай обнажил свой кинжал и прирезал новорожденных вместе с матерью. На обратном пути Сарыбай погиб. Его единственный сын, луноликий Козы Корпеш, остался сиротой... Так начинаются события печальной повести о любви Козы Корпеша и Баян, сосватанных отцами еще в колыбели.

Решив, что не выдаст дочь замуж за жалкого сироту, Карабай нарушил уговор, скрепленный клятвой, растоптал дружбу и однажды, собрав скот и имущество, внезапно спешно откочевал из родных мест. Провести в целости и сохранности бесчисленные отары и табуны через зимнюю стужу безжизненных степей Арки, а летом через палящий зной Бетпакдалы ему помог Кодаркул. И твердолобый Карабай решил выдать за него свою солнцеликую Баян... Эта грустная история о степных Ромео и Джульетте заканчивается трагедией – смертью Козы и Баян...

Самое крупное озеро Баянаула Сабындыколь народ связывает с одним замечательным поверьем: говорят, когда-то давным-давно красавица Баян купалась в этом озере и нечаянно выронила из рук мыло. С тех пор оно и называется Сабындыколь – Мыльное озеро. Постиранное в нем белье, утверждает предание, так и блестит от чистоты.

На закате, когда солнце медленно скрывается в своем гнезде, кругом царит безмолвная тишина. Зеркало озера тоже беззвучно и безмятежно... Вас будто баюкает нежная, приятная мелодия, и в кротком, блаженном созерцании прекрасного пейзажа вы обретаете умиротворение...

Дивные ольховые леса Баянаульских гор невозможно сравнить ни с каким другим лесом. В тенистых густых зарослях, звонко звеня и весело петляя, бегут многочисленные ручьи. И эта красота приносит душе невероятный покой и наслаждение.

Жасыбай... Так звали легендарного батыра, и так называется одно из крупных баянаульских озер.

XVII век был для казахского народа одним из самых тяжелых и сложных периодов его истории. С этим временем связано одно местное предание.

Со стороны Иртыша черной тучей нахлынул многочисленный враг, он продвигался как свирепый лесной пожар, уничтожая всё на своем пути. Степь окрасилась кровью. Воды рек, ручьев и ключей стали кроваво-красными.

Джунгарские захватчики еще издали заприметили Баянаульские горы и вершину Акбет. Они спешили к ним, чтобы как можно скорее стать хозяевами этой прекрасной земли, а когда подобралась ближе, едва и вовсе не лишились рассудка, завороченные красотой сверкающей глади хрустального озера, журчащих ручьев и волшебного леса. В нетерпении враги натянули поводья, чтоб быстрее достичь цели, однако в узком, тесном ущелье их поджидал в засаде вооруженный отряд Жасыбай-батыра. Войско джунгар, растянувшееся по ущелью, оказалось разрозненным и было наголову разбито. Воины врага бесславно пали, не в силах вернуться и как следует взмахнуть саблями и копьями. Сама природа помогала Жасыбай-батыру. Вьюны, обвившиеся вокруг ног вражеских коней, спутали их ход. Густой, непроходимый горный лес мешал им пройти вперед – точно и он вступил в схватку. И тогда оставшиеся в живых недруги решились на хитрость. Сев задом наперед на лошадей, опутив поводья, с наступлением сумерек они сделали вид, будто отступают назад, а сами под покровом ночи собирались незаметно приблизиться к стану батыра и напасть. Но отряд под предводительством Жасыбай-батыра не позволил осуществиться этой уловке и уничтожил врагов, когда они скопились в тесном ущелье. Правда, один джунгарский стрелок, лишившись коня, спрятался меж камней и решил отомстить. Не замеченный никем, он прицелился в Жасыбай-батыра и натянул тетиву... Отравленная вражеская стрела попала батыру в плечо. Жасыбай погиб как герой, защищая родную землю...

С тех самых пор народ стал называть озеро, прежде именовавшееся Шонколем, в честь своего защитника-батыра – Жасыбай.

В весенние месяцы на берега озера Жасыбай прилетают стаями дикие утки и селятся в камышах. Они вьют там гнезда, выводят утят и всё лето, многоголосо крича и шелестя в полете крыльями, приносят кипучее оживление в размеренные будни здешней жизни. Они не пугаются загорающих на берегу и купающихся в озере людей. Потому что хорошо знают: здесь им никто не угрожает. Ближе к осени в этих окрестностях можно услышать и гогочущий голос гусей, улетающих в теплые края. По словам местных егерей, здесь останавливаются во время перелета и лебеди.

Берега озера Торайгыр у подножия горы Акбет густо заросли черемухой. Издали в пору цветения эти белые, тесно сплетенные кусты, овеваемые нежным ветерком, напоминают плавно летящие в небе воздушные облака. Говорят, озеро названо по имени здешнего рода Торайгыр. На его берегу находится могила талантливого казахского поэта Султанмахмута Торайгырова, прожившего короткую, но яркую жизнь. Когда стоишь у озера и любишь открывшейся панорамой, в гулкой тишине словно слышится негромкий голос поэта:

*Что ж могу я, народ родной?
Состраданье к тебе – со мной.*

*Но неужто, скорбя и вздыхая,
Свой отыщет душа покой?*

Перевод А. Жовтиса

Вершину высокой скалы на берегу озера Торайгыр венчает остроугольный конусообразный пик. Местные жители называют ее горой Беркут. Ну а старики говаривают, что поэт Султанмахмут в детстве взобрался на ее вершину, подобрал там подбитого птенца беркута и заботливо его выводил.

Самое поразительное зрелище в горах Баянаула – это каменные скульптуры, сотворенные самой природой. При виде их ничего не остается, как только в удивлении качать головой. Особенно когда встретишь на краю дороги, ведущей от озера Торайгыр к Жасыбаю, скалу Кемпиртас (Каменная старуха). Глядя на ее острый, слегка крючковатый «нос», на ее пещерообразную «пасть»,

на отчего-то настороженные, хмурые «глаза», можно оценить зоркость народа – настоящая старая ведьма!

Творцы природных скульптур – это солнце, снег, дождь и ветер. Высокий утес на берегу озера Жасыбай местные жители называют Атбасы (Лошадиная голова). Он и в самом деле напоминает голову лошади, которая стоит на берегу водоема и вглядывается вдаль.

Если пройти через живописный лесной массив к озеру, непременно обратит внимание на Тасбатыр – Каменного богатыря. Кажется, это великан в племе, с прямыми скулами и вздернутым носом, задрал голову, смотрит в небо и стережет каждое движение парящего в недосыгаемой сини беркута. А с высоты ближайшей горы можно заметить еще одну естественную скульптуру – прилепившуюся к утесу каменную голубку. В отношении этого природного изваяния бытует такая легенда.

В незапамятном прошлом здешние казахи часто спорили из-за земель и водных источников в окрестностях этой горы, то и дело вспыхивала враждебная междоусобица. Тяжбы и распри, скандалы и ссоры следовали одна за другой, оставалось только пролить кровь. Во время одной из таких особенно жарких стычек едва не погибли оба сына одной бедной женщины. При мысли, что страшная беда могла стать реальностью, мать затрепетала, превратилась в голубку и взлетела в небо. Это чудо заставило ее сородичей одуматься. Так голубка принесла на своих крыльях мир и согласие, а следом обратилась в камень, чтобы быть их вечной хранительницей...

* * *

Одна из трех крупнейших рек Казахстана – Есиль (Ишим). Она течет на востоке казахской земли и является левым притоком Иртыша. Протекает через Карагандинскую, Акмолинскую, Северо-Казахстанскую области Казахстана и через Тюменскую и Омскую области России. Ее общая протяженность – 2450 километров, и почти две трети из них тянутся по территории Казахстана. Есиль берет начало в горах Нияз на севере Сарыарки, а в районе села Усть-Ишим Омской области вливается в Иртыш. Летом его течение очень спокойное, неторопливое. Ну а весной русло нередко переполняется талыми и дождевыми водами, и река, взбушевавшись, выходит из берегов.

Столица нашей страны Астана раскинулась на берегу этой реки. Город расположен в центральной части республики, поэтому обрел статус важнейшего транспортного узла и стал центром крупных промышленных комплексов. На его территории с 2002 года действует специальная экономическая зона, где собственникам-производителям предоставлены большие налоговые льготы и преимущества. Развиваясь в качестве административного и делового сердца страны, Астана постепенно становится и ее научно-культурным центром.

Если отправиться на юго-запад от столицы, примерно через 180 километров дорога приведет в **Коргалжынский заповедник** – самое северное место гнездования розовых фламинго. Эта природная жемчужина расположена на юго-западе Тенгиз-Коргалжынской низменности в центральной части Казахстана. Здесь можно насладиться зрелищем двух самых крупных озер Северного и Центрального Казахстана – Тенгиза и Коргалжына. На самом деле нынешние озера – лишь остатки исконного эоценового моря, некогда занимавшего всю территорию низменности.

Большую часть поверхности Коргалжына занимают густые заросли камыша и куги. В них гнездятся утки-песчанки и чайки. Прибрежные камыши и тростник – излюбленное место обитания диких кабанов и куниц.

Практически стоячее горько-соленое озеро Тенгиз тихо плещется в самом центре беспредельной степи. Берега его в основном плоские и ровные, кое-где

покрыты мелкой галькой, а кое-где глинистые либо солончаковые. На озере несколько островков и отмелей. Длина самого большого острова больше десяти километров, а ширина местами достигает двух.

Человек, который хоть раз увидит обитающих на этих озерах птиц, в особенности гордость Коргалжына розовых фламинго, получит незабываемое впечатление. Эти крупные птицы, достигающие в полный рост полутора метров, издали кажутся белыми. Их красивые гибкие шеи, замысловато изогнутые в знак вопроса, кажутся немного странными и забавными. Когда они, плавая стаями на мелководье, внезапно насторожившись, дружно взлетают, гладь озера становится ярко-красной, словно вспыхивает огнем. Птицы поднимаются ввысь красным облаком и, постепенно растворяясь в синеве, исчезают из виду...

Казахи иногда называют фламинго красными гусями. Их перья, пух под крыльями насыщенно розовые, а кончики крыльев черные. Поэтому в полете стая производит неизгладимое, невероятное впечатление, словно в небе пляшут языки пламени.

* * *

Одно из наиболее живописных мест Центрального Казахстана – **Каркаралы**. Его горы и леса с давних времен ценятся как поразительное творение природы. Замечательный русский писатель-натуралист Михаил Пришвин, побывавший здесь в начале XX века, а точнее в августе 1909 года, приблизившись к этому зеленому оазису в сердце степей Сарыарки, так описал представшую перед ним картину:

...Линия горизонта волнуется, приближается, постепенно переходит даль в горы... Горы выше и выше... Ручеек между холмами... и радостная встреча с деревьями. Только один ручеек, и уже всё оживает... Каркаралинский уезд называется «арка», что значит хребет земли – пуп земли. И дал же Бог!.. Звёзды при лунном свете особенно зеленые, и какие-то зеленые волны и впадины, и звёзды во впадине... Кто видел звезды из аула, того они будут всегда сопровождать... А эти врезанные в небо черные утесы и желтые тлеющие березы в угрюмой синеве сосен в ясный день!..

Конечно, с тех пор прошел целый век. Горы немного осели, уровень воды в водоемах снизился, а некоторые озёра и вовсе высохли. Однако общий вид Каркаралы, его вершины и скалы, укрывшиеся зеленым покрывалом лесов, не изменились.

Когда смотришь издали, Каркаралинские горы напоминают украшенный перьями национальный женский головной убор каркару, отсюда, как уверяет народ, и их название. А вот ученые-историки считают по-другому: «Возможно, слово “кар” в древности соотносилось с топоэлементом гор (в значении высоты), то есть название “Каркаралы” в прямом смысле означает “хребты высоких гор”». Есть еще одно толкование слова «каркара». Высказывают мнение, что в некоторых казахских родах пучок из четырех перьев филина или фазана называли «каркарой». Их использовали для украшения деревянных сундучков кебеже, где хранили во время кочевий и стоянок посуду. Такой сундучок с плотно закрывающейся крышкой, похожий на небольшой шкафчик, навьючивали на верблюда ножками вверх, а потом в каждую «обутую» войлоком ножку втыкали по каркаре.

Как бы там ни было, но имя Каркаралы этой местности весьма к лицу. У поэта, в груди которого теснятся стихи и образы, всегда и слог особенный. Известный казахский писатель Сабит Муканов, с юных лет внимавший прекрасным легендам, в своей поэме «Сулушап» писал:

*На вершине хребта Бугылы,
Между зарослей тесных сосны
Шайтанколя зеркальная гладь...*

На высоте каркаралинского хребта Бутылы в округлой котловине, поскверкивая чистой, как слеза, водой, лежит Шайтанколь (Чертово озеро), чье название говорит само за себя. Этот загадочный водоем породил множество любопытных преданий.

Вот одна из наиболее древних легенд: сотворенный Аллахом из огня ангел Шайтан вероломно выступил против своего создателя, и потому был с позором изгнан из рядов ангелов, а заодно и с небес. Кувыркаясь в воздухе, пронзительно крича, Шайтан слетел с неба и упал прямехонько в это озеро. С тех пор, объясняют аульные аксакалы, оно и зовется Шайтанколем. Кристально чистый воздух, прозрачная вода и крепкий смоляной дух соснового леса целебны и для души, и для тела. Шайтанколь защищают высокие горные утесы, словно держащие вокруг озера круговую оборону.

На одном из каркаралинских водоемов расположился остров Устюрт, примечательный находящейся здесь просторной естественной пещерой Таспатыр, где одновременно могут поместиться от пятидесяти до шестидесяти человек. Незаменимое место во время дождя и непогоды. Видимо, поэтому пещеру и окрестили Каменным шатром.

* * *

Шынгыстау, возвышающийся в степной Арке между Каркаралы и Семеем, еще издали призывно манит путников. У подножия этих гор в урочище Жидебай родился великий казахский поэт Абай, который оставил потомкам не только бессмертные строки гениальных стихов, но и мудрый завет в своих философских назиданиях. Классик казахской литературы ушедшей эпохи Мухтар Ауэзов в своем романе-эпопее «Путь Абая» дает выразительную картину этой священной округи, дорогой сердцу каждого казаха. С каждой страницы этого несравненного, потрясающе емкого и исторически правдивого эпического полотна, которое по праву входит в число жемчужин мировой литературы, веет дыханием нашей необъятной, безбрежной степи.

*Вот он, чудесный, близкого счастья взгляд!
Тайны души моей в страстных песнях звучат.
Ветер скользнул – и о той же тайне моей
Чия стебли шелестят, шелестят, шелестят...*

Дивные строки! И настолько реальные, что кажется, мы тоже следуем вместе с Абаем, приближаясь к горам и вдыхая легкий ветерок с Шынгыса.

Сам великий Абай замечательно описал четыре времени года. В его знаменитых стихах ясно вырисовывается облик казахской степи в разную пору. Даже каждая отдельно взятая строфа представляет собою лаконичный, но ярко выписанный пейзаж.

*Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочной пылью пыля,
Всё живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.*

Перевод П. Шубина

Если в стихотворении «Весна» Абай сразу открыто провозглашает торжество весенней поры и радости жизни, то в стихотворении «Лето» он не спеша сплетает образ из характерных деталей, расстилая панораму живописной картины:

*Летом, когда тенисты деревья
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы*

*Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливых стаи
То опускаются, то взлетают...*

Перевод А. Жовтиса

А в следующем стихотворении цикла, описывая, как изменился лик цветущей степи, непревзойденный мастер слова дает нам почувствовать, что приближается зябкая, прохладная осень:

*Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сырости,
то ль чтоб согреться, резвясь,
Стригунка догоняет в степи стригунок.*

Перевод А. Гатова

Абай и зиму описал по-особенному, необычный метафорический образ навсегда остается в памяти:

*В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.*

Перевод Вс. Рождественского

Наверное, это и есть величие: оглянешься разок – и еще долго стоишь с завороченным взглядом. Величие бескрайней степи, в которой глаз не различит горизонт, сродни величию гениального Абая с его безбрежной мудростью и безграничным талантом.

Для казахов окрестности Шынгыстау так же близки и дороги сердцу, как Флоренция для итальянцев, Веймар для немцев, Стратфорд-он-Эйвон для англичан, Михайловское и Ясная Поляна для русских.

* * *

Одна из крупнейших рек мира Ертыс (Иртыш) берет начало в горах Монгольского Алтая, протекает по территории нескольких государств и несет свои воды в Северный Ледовитый океан, часть ее долгого пути пролегает по восточному региону Казахстана. В Зайсанской низине русло Иртыша расширяется, и он, словно проявляя благосклонность к здешним жителям, щедро наполняет своими водами озеро Зайсан, а потом пробирается по узкому горному ущелью, вновь замедляя течение ближе к Семею, и оттуда, взяв курс на север, продолжает свой неторопливый бег по Западно-Сибирской низменности.

Словно у изнуренного путника, оба берега Иртыша при входе с востока на землю Казахстана поначалу выглядят довольно уныло. Встречаются лишь пустынные растения, такие как саксаул, серая полынь и чий. Невысокие песчаные холмы, голые плоскогорья, тянущиеся вдоль берегов, преследуют Иртыш целых шестьсот километров. Эту невзрачную часть реки народ прозвал Черным Иртышом. Лишь когда он добирается по правому рукаву до горной равнины Алкабек, вода в реке начинает бурлить, прыгая по валунам, омывает корни тальника, неудобно прилепившегося на обрывистом берегу, и стреми-

тельно несется вниз. Опускаясь к подножию гор, река укрощает свой прерывистый бег и уже не спеша несет свои воды.

С небольшой яркой птичкой, облюбовавшей равнину Алкабек, связана одна поэтичная легенда.

В незапамятные времена жил в этих местах пастух по имени Алкабек. Вел он уединенную жизнь, ни с кем не знался, с раннего утра и до позднего вечера пас свой скот – тем и жил. Однажды увидела Алкабека красавица по имени Уласты и влюбилась в симпатичного, статного парня. Неизвестно почему, Алкабек никогда не обращал внимания на девушек. И всё же Уласты решила открыть тайну своего сердца, вручив возлюбленному алый цветок. Однако джигит, будто не поняв ее, отверг дар красавицы, кликнул своих собак, согнал овец и отправился восвояси. Уласты, вспыхнув от огня любви и задевшей чести, расправила свои руки-крылья, превратилась в золотистую шурку и улетела. Ну а Алкабек, который не внял горячему сердцу и чистым чувствам девушки, обратился в речку с ледяной водой.

Говорят, эта прелестная птичка прилетает в Алкабек каждую весну. Вероятно, Уласты, как бы ни была обижена, всем сердцем преданная избраннику, так и не смогла покинуть любимого, забыть свою светлую любовь.

Казахстанский Алтай поражает разнообразием природы и часто меняющимся рельефом местности. Просторные долины, пышущие зноем, горная тайга с терпким ароматом хвойной смолы, покрытые вечными снегами вершины, сверкающие зеркальной гладью озера и неукротимые реки – всё это мы видим на Алтае.

Самое красивое озеро на востоке Казахстана – **Маркаколь**. Оно как зеркало в ладонях гор, заросших сине-зеленым лесом. Люди, влюбленные в этот чарующий водоем и здешние горы, говорят, что если глотнешь прозрачной воды Маркаколя, то тело сразу наливается силой и энергией, а душа словно очищается. Никто не сомневается в истинности этих слов, потому что воздух на Алтае настоян на целебных травах и душистом аромате сосновой хвои. А вода чистая-пречистая, хрустально-прозрачная. Настоящая райская земля, где привольно резвятся звери и птицы.

Почему это живописное озеро называется Маркаколем, объясняет старинная легенда. В давно прошедшие времена на тучных горных пастбищах ближайшей к озеру горы Азутау паслись бесчисленные отары овец и табуны лошадей богача Кожебая. Работал у него один нищий батрак по имени Нуржан. Как-то, собираясь откочевать в просторную долину в низине, Кожебай приказал батраку искупать отару овец в озере. Нуржан не стал дожидаться повторения приказа и тут же поспешил выполнить его. Завел овец в воду, искупал, а когда вывел отару на берег, не досчитался трех самых упитанных, трясущихся от жира марка – так казахи называют подросших, набравших вес агнят. Вот с тех пор озеро и стали звать Маркаколем.

Слово «марка» означает также «подрастать», «зреть», «наливаться». И такое объяснение происхождения названия озера к месту, ведь весной оно действительно наливается, пополняясь талыми водами. Когда тает озерный лед, вода в Маркаколе начинает прогреваться. В июле-августе средняя температура воды поднимается до 17° градусов тепла, а у поверхности голубая гладь водоема нагревается до +23°.

Маркаколь расположен на высоте немногим меньше полутора тысяч метров над уровнем моря, поэтому относится к виду альпийских озер. Длина его овального зеркала ровно в два раза больше ширины и составляет 38 километров. Это одно из самых крупных озер Алтая.

С севера Маркаколь охраняет Курчумский хребет, а с юга – Азутау. В отдельные погожие дни на озере появляются изумительные, колдовские мира-

жи. В чудную теплую пору, когда округа млеет, окунувшись в солнечные лучи, на сверкающей глади водоема можно увидеть плывущие белые корабли, гордых красивых лебедей, сказочных принцев и принцесс – какой-то особенный волшебный мир, который повергает вас в неописуемый восторг и удивление. Что это? Магические чары? Зажмуриваешь глаза, открываешь и глядишь снова и снова. Не веришь собственному зору. Не стоит пугаться. Это волшебство озерной глади, переливающейся на солнце, игра световых лучей.

В ветреные дни Маркаколь моментально преобразается, бурля и вздымая к небу белые пенистые волны. В такие моменты рыбаки спешат скорее добраться до берега. Здесь с каждой стороны дуют разные ветра, которые то рождают в озере вихревую смуту, то лишь слегка обдувают водную гладь, заставляя ее подрагивать. У них и названия свои: шумек – ветер средней скорости; ветерок-тихоня – момакан; урынкай – ветер-задира... Тайны ветров хорошо известны местным жителям – посмотрев, с какой стороны дует, они уже знают, как поведет себя озеро.

Река, впадающая в Маркаколь с северо-востока, как и резкий ветер оттуда, зовется Урынкай. В целом в озеро вливаются свыше двадцати больших и маленьких речек. Самая крупная из них – Тополевка. Среди других наиболее заметных можно назвать Матабай, Мылтыкбай, Еловку, Байпаксу, Карабулак, Жиренбайтал.

В другом уголке Восточного Казахстана затерялся маленький аул **Рахман кайнары – Рахмановские ключи**, всего около двух десятков рубленых деревянных изб. А в окрестном лесу путников ждет удивительное открытие – в центре густого соснового бора спряталось чистое, как стыдливый взор юной красотки, озеро. Кто-нибудь из мудрых здешних аксакалов с готовностью поведаст старинную легенду.

Давным-давно жил в этих местах удачливый охотник Рахман. Ни одна пуля, выпущенная из его ружья, не пролетела мимо цели. Однажды Рахман заметил пасущегося в лесу марала, взял его на мушку и взвел курок... Выстрел попал в цель, однако раненный в ногу марал устоял и, прихрамывая, поспешил скрыться с глаз охотника. Рахман бросился в погоню. Несчастный олень кое-как добрался до западного берега озера и рухнул прямо в воду бьющего там ключа. А когда охотник почти настиг его, он вдруг пулей вскочил на ноги и легко умчался прочь. Пораженный Рахман краем глаза заметил, что рана на ноге марала затянулась, вот почему он так играючи убежал от него. Подошел охотник к роднику, зачерпнул ладонью воду и прополоскал ею рот. Надо же, теплая! А ведь в озере вода ледяная. И тут Рахмана осенило: ключ-то не простой – целебный, не зря сюда так спешил марал...

Алтай – место обитания красавцев-маралов, грациозных косуль и горделивых оленей, непокорных лосей и юрких пеструшек, глухарей и белых куропаток, рябчиков и прыгающих с ветки на ветку маленьких белочек.

*Разве есть на свете край
Лучше, брат мой, чем Алтай?..*

Так поется в народной песне. Если сравнить Алтай с девушкой редкой красоты или уподобить его великану-богатырю, любое сравнение ему к лицу. На Алтае родились многие наши талантливые художники, которые внесли в золотую сокровищницу нашей литературы и искусства жемчужины своих замечательных творений. На протяжении всей своей жизни они славили красоту и неповторимый облик родной земли стихами и песнями, яркими строками прозаических произведений. Давайте обратимся к эссе «Природа – Жизнь – Человек» талантливого прозаика Оралхана Бокея, который родился и вырос на Алтае.

...Лето на Алтае дождливое. Ясных дней очень мало. Особенно в июле – постоянно грохочет гром, в небе играет пугающая молния. И каждый раз, когда в грозовых небесах происходит эта игра света, удар молнии рассекает надвое высокие сосны. Иногда случается, что выпадает кратковременный град величиной с небольшие баурсаки.

На Алтае растут самые раскидистые лиственницы: даже если целый месяц льет проливной дождь, человек, который прячется под их густой кроной, не рискует промокнуть. Алтайское лето очень короткое, возможно, поэтому оно по-особенному красиво...

С приходом сентября с юга задувает холодный пронизывающий ветер, и наутро вся округа уже лежит под белесым инеем... Алтайская осень прекрасна, как сказка, но никогда она не бывает желтой, а каждый раз сразу становится багрово-красной и кроткой, вы же, забыв о праздной жизни летнего разноцветья, вдруг сами собой становитесь спокойным, смирным и не спеша приступаете к неминуемым хлопотам. Однако с рождением ноября Алтай показывает свой настоящий норов, и тогда вы понимаете, что здесь живут самые выносливые люди, которые, как черный нар¹, способны выдерживать и сильную жару, и лютый холод. ...

Если оглянетесь вокруг, в погожий морозный день искрящийся снег слепит вам глаза. Лес, который колыбался под ветром летом, зеленая-презеленая земля будто забылись вечным сном, и теперь, наоборот, приняли суровый, холодный вид, подобно красавице, рано утратившей нрав баловницы. Лишь только лиственницы и арча остались зелеными, не изменив своего облика, и их свежие побеги напоминают о далекой весне... Весна на Алтай приходит довольно поздно. Пока снег, выпавший в межсезонье, лениво подтает, под ним уже успевает зазеленеть трава...

С почтением попрощавшись с окрестностями величавого Алтая, давайте, подобно птицам, перелетим в **Жетысу – край Семи рек**. Не думайте, что после живописных уголков Алтая вас уже ничто не поразит. От наших прадедов к нам дошли замечательные крылатые слова: «Жетысу – земля благословенная».

* * *

Да, она воистину благословенна! На севере Семиречья простирается знаменитое озеро Балхаш, на северо-востоке поблескивают Сасыкколь и Алаколь, на востоке высится Джунгарский Алатау, а на юге и юго-западе Жетысу ограничивают хребты Северного Тянь-Шаня. Это царство неприступных гор и своенравных рек, прозрачных родников и хрустальных озер, голубых ельников, зарослей фруктовых деревьев и ягодных кустов, это царство множества редких животных, начиная со снежного барса и кончая маленькой пеструшкой, это царство скалистых ущелий и голых равнин, песчаных пустынь и поющих барханов.

Человек, прибывший ночью в Алматы, изможденный дорогой, спешит найти приют в какой-нибудь гостинице, а когда утром выглянет наружу, пораженный, замирает у окна, с восхищением разглядывая открывшуюся панораму. Что это? Явь или сон? Разве бывают горы такими красивыми? Может, он грезит, может, это полотно гениального мастера? Но какому художнику взбрет в голову вывесить за окном картину?!

Человек, впервые увидевший **Зайлийский Алатау**, ничего, кроме восторга, испытывать не может. Конечно, любой гость крупнейшего города Казахстана в первую очередь стремится привести в порядок дела, ради которых

¹ Нар – одnogорбый верблюд.

приехал. Однако каждое утро его взор будет невольно обращаться в сторону величественных гор, к белоснежным шапкам заоблачных вершин и голубым тянь-шанским елям на склонах.

Алматы – необычайно красивый и нарядный город, украшенный зеленым нарядом множества садов, парков и цветников. Поскольку он расположен в предгорьях, здесь часто выпадают дожди, и бывают дни, когда погода в течение суток может несколько раз резко перемениться. Только что ярко сиявшее солнце в мгновение ока затянут хмурые тучи, а слепой кратковременный дождь вдруг весело переходит в ливень как из ведра. Порою барабанивший всю ночь не переставая противный холодный дождь перед самым рассветом внезапно прекращается, умытый город чист, воздух необыкновенно свеж, а с листьев тополей и вязов, обрамляющих городские улицы, тихонько капаят, поскверкивая и поблескивая, как алмазы, прозрачные дождевые капельки...

В груди теснится песня народного любимца композитора Шамши Калдаякова, сам не заметишь, как начинаешь тихонько ее напевать:

*Моя любовь как дождь слепой,
Который давече лил стеной,*

*Но солнца лучик золотой
Его забыть заставил...*

Город есть город. Шум, вечная сутолока и суета, гул снующего туда-сюда транспорта, спешащие по своим делам люди – словом, кипучая городская жизнь. Конечно, она утомляет, особенно жарким летом, когда асфальт раскаляется как на сковороде и душит своими испарениями. В такие дни лучше всего сбежать подальше, благо, в Алматы это не проблема: каких-то полчаса езды – и вы сразу окажетесь в долгожданной прохладе, в объятиях тишины и чарующей гармонии природы, причем маршрутов предостаточно: Большое или Малое Алматинские ущелья, урочище Медеу, Ремизовка и Каргалинка, Кенсай (Широкая Щель)... – и всё это буквально в шаговой доступности.

Вода горной речки, которая с грохотом прыгает с камня на камень, даже в июле ледяная. На берегу – прелестная березовая рощица, где звонко перекликаются щебечущие птицы. Задрав голову, оглядываешь ели, которые словно взбираются наверх, спеша опередить подруг на пути к вершине. Какие высокие, какие величественные! В зеленых и голубых нарядах. Одна другой краше, одна другой стройнее. А вон стайка белых березок в ложбине. Юные и очаровательные, как девушки-подростки, они стыдливо склонили свои зеленые ветви, словно смущенные тем, что попали на глаза людям.

*Шей лебединые, сарафаны белые,
О березки милые, а моя луна
Тоже белоликая и, как вы, несмелая
И, как вы, стыдливая, вам под стать стройна.*

*Подарите, милые, мне мечту крылатую,
Прошумите в небо о любви моей.
Пойте мне мелодию кронами мохнатыми,
Прославляйте счастье в вышине своей.*

*О березки шумные, растревожьте сердце мне,
Прошепчите девичьи тайны, шелестя,
Ведь моя любимая не открыла сердце мне,
Улыбнулась робко лишь, взором глаз блестя.*

Будто слышится голос, наверное, самого лиричного казахского поэта, читающего свои стихи. Это певец любви Толеген Айбергенов. Он прожил всего тридцать лет, но успел подарить нам поистине сокровищницу изящной и очень чувственной поэзии...

Каждый камень Алатау, каждая ель, каждая березка достойны стихов, и это не преувеличение. Сама земля здесь пропитана поэзией, кажется, потрясешь дерево – и на землю не листья, а стихи посыплются. А какие дивные в горах альпийские луга, покрывающиеся весной ковром алых маков, ярко-красных тюльпанов и множеством других прекрасных цветов, даже названий которых не знаешь! Их красота любому вскружит голову. Не говоря уже о дикой смородине, землянике и горной малине, даже шиповник, обыкновенный шиповник очаровывает глаз своими ярко-красными плодами.

Высокогорные перевалы Алатау начинаются на отметке 3200 метров. Кажется, этот таинственный мир голубых ледников и белоснежных пиков, которые, отражаясь в солнечном свете, нестерпимо слепят глаза, гораздо ближе к Всевышнему, чем к хозяевам жизни на земле.

Шумно переговаривающиеся горные ручейки, сбегая с вершин, постепенно полнеют, напитываясь звонкими родниками, а некоторые, завершив свой недолгий путь, с грохотом срываются водопадами со скалистых круч. Подобные голубым шелковым поясам, протянутым с гор, почти все водные артерии Алматинской области, такие как Каскелен, Аксай, Большая и Малая Алматинки, Талгар, Есик, Тургень, Чилик, берут начало в Заилийском Алатау. И все впадают в Или.

Берега этих горных речек, весело скачущих по камням, будто спеша сообщить кому-то радостную весть, покрыты красивым смешанным лесом плакучих ив, тополей, карагача; в низовьях поначалу плодородная почва равнинной степи сменяется каменистой, затем песчаной, а вместе с ней претерпевает изменения и облик равнины.

Утвердилось мнение, что название Жетысу (Семиречье) связано с протекающими в этом краю семью реками. Но если в одном источнике ими считают Или, Шу, Аксу, Лепсы, Каратал, Тентек и Коксу, то в какой-нибудь другой энциклопедии сказано, что это Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан и Сарканд. Как бы там ни было, претендентов на семь главных рек региона хоть отбавляй, потому что чего-чего, а рек в Жетысу предостаточно.

Если внимательно прислушаться к легендам и преданиям, нетрудно понять, что число «семь» у казахов считается сакральным и с ним связано множество устоявшихся понятий: «семь колен предков», «семь богатств», «семь поминальных лепешек» и т. д. Поэтому неудивительно, что в наименовании Жетысу заключен символический смысл благодатной, священной земли, богатой реками.

Этот край щедр не только на реки, но и на озера, в которых хрустальная, чистая вода сродни чудодейственной из священного колодца Замзам. На берегах этих озер настоящее раздолье для птиц и животных. Кого здесь только нет: стаи уток и чаек, гордые лебеди и дикие гуси, чьи гогочущие голоса порой выводят тоскливую песнь, с шумом взлетающий сокол, прыгающий с камня на камень кеклик и пугливо вспархивающая куропатка. Ну а высокие вершины облюбовали горные индейки – улары.

*Не улар ли в вышине летит,
Грех мой мне его птенец простит,
Коль моя жестокая стрела
Доберется до его крыла?..*

В словах этой народной песни слышна какая-то особая печаль, горькое сожаление о проходящей в ненужной борьбе жизни.

Избравший высокие горы снежный барс – ирбис, хоть и редко, но тоже встречается здесь. Не удивляйтесь, если из соснового леса или ельника неторопливо выйдет неуклюжий медведь, выбежит горделивый архар или грозно похрюкивающий кабан. В густых зарослях можно заметить и пугливую косулю с настороженно торчащими ушами.

Горы здесь резко сменяются степью, а живописные озера монотонными полупустынями – незабываемые контрасты.

Окрестности озера Балхаш с юга представляют собой череду пустынных равнин. Это и Таукум, расположенный на левобережье Или, и сменяющие друг друга дальше на восток Сарыесик-Атырау, Ирижар, Жалкум, Аралкум, Каракум и Сарыкум. Их названия говорят сами за себя, ведь «күм» в переводе с казахского означает песок. Но вот что любопытно: тяжелые морщины песков ежедневно меняют очертания, от малейшего дуновения ветерка начинают шуршать и приходят в движение, притягивая и увлекая человека какой-то неведомой силой. Эта безмолвная округа с песчаными гривами и скудными островками пустынной растительности ясно дает понять, что всё в этом мире преходяще, и живое существо, появившееся на белый свет, всего лишь гость, который однажды, когда придет его черед, снова уйдет в загадочную страну вечного покоя, и лишь природа, как бы она ни менялась, остается бессмертной. Вот как об этом пишет в своем романе «Конец легенды» известный казахский прозаик Абиш Кекильбаев:

Крошечные воронки, появляющиеся под копытами устало бредущих коней, тут же вновь заполняются песком. И мгновенно исчезают бесчисленные следы на склонах вздыбленной гряды барханов, оставленные отрядом угрюмо взирающих окрест телохранителей, едущих на отборных скакунах саврасой масти впереди, на расстоянии пущенной стрелы. Зыбучий песок, безмолвный и бездушный, издревле привыкший к непостоянству и тщетности бытия, мигом стирает малейший отпечаток на бескровном лице этого безбрежного серо-пепельного пространства. (Перевод Г. Бельгера)

И все-таки в любом краю есть свойственные только ему благословенные периоды времени. Путешественники часто вспоминают дивную весну в пустыне и всегда восхищаются ею. Расцветающие в апреле тюльпаны и незабудки, раскрывшие свои почки акация и чингиль, мелкие озерца, образованные талым снегом и дождевой водой, на которых в пути с юга на север останавливаются журавли, утки и гуси, еще долго стоят перед глазами, хранятся в памяти. Возможно, драгоценное свойство пустыни и состоит в том, что она, не скупясь, стремится как можно ярче, щедрее и искреннее показать свою скоротечную, но такую чудную весну.

Еще одно удивительное место в Жетысу – это **Чарынский каньон**. Пройдя довольно значительное расстояние однообразной, монотонно выглядящей степью, пейзаж которой навеивает уныние, ты вдруг невольно вздрагиваешь, будто пробудившись ото сна, не в силах оторвать глаз от причудливой картины открывшегося перед тобой ущелья. Красоту фантастического города, возведенного великим зодчим Природой в Чарынском каньоне, невозможно описать никакими словами. Ее надо лицезреть воочию. Она... она похожа на кусочек подземного царства, который открылся из небытия. Когда ты со скалы, уходящей вглубь почти на полторы тысячи метров, смотришь вниз, создается ощущение, что ты заглядываешь в какой-то потусторонний мир. Река Чарын, как будто случайно оказавшаяся у подошвы таинственных красно-коричневых скал, похожих на волшебные крепости из сказочной страны, и у загадочных каменных изваяний, вьется далеко внизу по ущелью голубовато-зеленой шелковой ленточкой.

Если спускаться вдоль реки, вскоре можно выйти к урочищу Сарытогай, где находится знаменитый лесной массив реликтового ясеня согдийского. Эта желтовато-зеленая роща шириной около двух километров тянется вдоль Чарына целых 25 километров. Высота согдийского ясеня, сохранившегося только здесь, под защитой чарынских скал, – 30–35 метров, а в обхвате некоторые стволы достигают двух метров. У этого дерева есть еще одна характерная особенность – затейливые узоры на коре, которые так интересны для глаз. Ясень – дерево долговечное. Некоторые из них живут до трехсот лет. Стойки к морозу. Сухой воздух и не очень богатая почва не оказывают на них негативного влияния. Однако на безводной земле ясень расти не может. Поэтому судьба рощи тесно связана с рекой Чарын. Сарытогай – одно из драгоценных сокровищ природы, которое нужно беречь как зеницу ока.

Самая большая река Жетысу – Или. Она образуется при слиянии двух небольших речушек – Текеса и Кунгеса. Ее протяженность составляет без малого 1440 километров, а бассейн охватывает площадь в 140 тыс. квадратных километров. Самые крупные из почти восьми сотен притоков Или – Чилик и Чарын. С правого берега река под защитой Жетысуского (Джунгарского) Алатау, а на левом высятся лесистые склоны Кетменских гор. Когда Или добирается до песчаной степи, ее русло становится шире, она вливает свои воды в Капшагайское водохранилище, а затем продолжает свой путь к Балхашу...

Вторая крупная река Семиречья – Каратал. Она начинается в ледниках Джунгарского Алатау и впадает в озеро Балхаш. Третью пути непокорного Каратала проходит в глубоком ущелье, среди скалистых гор, но, миновав Талдыкорган, он оказывается на просторах степи, ослабляет свой резвый бег и принимает в свои объятия многоводную Коксу.

На слуху у местных жителей легенда о двух семиреченских реках.

В далекую старину, а когда именно, никто наверняка сказать не сможет, один бедный джигит по имени Каратал полюбил красивую девушку, которую звали Или. Отец девушки был человеком очень богатым. Он отказался выдать свою дочь замуж за Каратала, хотя она ответила юноше взаимностью. Опечаленные жестоким решением, Каратал и Или превратились в две реки и, так и не сумев соединиться вместе, вечно текут рядом друг с другом...

«Красота гор – в озерах», – говорят старики. Вы поймете, что это истинно так, когда увидите прелестные хрустальные бусинки естественных высокогорных водоемов, густо нанизанные среди хребтов Заилийского Алатау. **Большое Алматинское озеро** в верховьях одноименной речки и озеро **Кольсай в Кунгейском Алатау** – не только истинное украшение горных пейзажей, не будет ошибкой назвать их незамутненным взором гор. Большое Алматинское озеро лежит на высоте почти две с половиной тысячи метров над уровнем моря. Вода в нем холодная как лед. Поэтому здесь не водится рыба. В Кольсае вода чуть теплее. И если всмотреться в прозрачную хрустальную толщу, можно отчетливо увидеть стремительно мечущихся пятнистых радужных форелей – царских рыб, как их принято называть.

Рождение и рекам, и озерам дают шумно сбегающие вниз ручьи, истоки которых на вершинах гор, где тают снега и льды. Словом, если Солнце – отец их родной, то вечные Ледники – мать.

В Казахстане самые плотные ледники сосредоточены в Жетысуском, или Семиреченском, Алатау. Иногда мы зовем эти горы Джунгарским Алатау. Но это название вызывает в памяти очень трудный и сложный период казахской истории. Поэтому наименование Жетысуский Алатау ближе сердцу, да и наши далекие прадеды именно так звали эти суровые горы.

Там, где начинаются Саркандские горы и Бежинтау, Семиреченский Алатау делится на два хребта: Северный и Южный. Горные гребни Северно-

го хребта, точно строго отмеренные, выступают один над другим как ровные, широкие ступени гигантской лестницы. Одна цепь хребтов возвышается над другой и образует три ступени. Горы Даулбай, Алатай, Борели и другие на нижней «ступени» считаются останками древних хребтов, осевших под влиянием экзогенных процессов. Их отделяют от последующей цепи просторные речные ущелья. Выше, на второй «ступени», находятся Кайранколь, Жельдыкарагай, Булантау, Жабыктау, Кунгейжота. А на верху «лестницы» высятся Тастау, Баскантау, Саркандтау и Кокжотатау.

Пологие склоны речных долин и плоские хребты с увеличением высоты сменяются тесными ущельями с крутыми скалами, снежными хребтами и высокими пиками. Начиная с высоты 3500 метров, рельеф обретает альпийские очертания. Ну а вершины самых высоких гор покрывают вечные снега и льды. Высшая точка Жетысуского Алатау – пик Бесбакан высотой 4 622 метра.

Дикие яблони, растущие на здешних склонах, дают плоды, которые иногда по своим размерам могут сравниться со знаменитым алматинским апортом. Их официальное научное название – яблони Недзвецкого, причем этот вид был успешно окультурен и сохранил свое название. Дикие яблони Семиречья – далекие предки многих культурных сортов. Знаменитый биолог-селекционер И. В. Мичурин, скрещивая эти дички с другими видами, тоже вывел несколько новых садовых сортов яблок.

В своей повести «Дикая яблоня» талантливый казахский писатель, уроженец Жетысу Саин Муратбеков не преминул коснуться этого богатства здешних гор:

Склоны гор в наших местах сплошь заросли дикими яблонями. В годы войны мы, голодная ребятня, целыми днями бродили по этим лесам, подбирали дички, что казались на вид получше. Бывало, вопьешься в яблоко зубами, и оно, белое, твердое, хрустит точно лед, холодит язык и нёбо. Откусишь от него раз-другой, и рот начинает ныть от оскомины, а зубы нельзя свести, до того становится больно. И всё же, переведя дух, мы снова принимались за дички, стараясь обмануть пустые, подтянутые от голода желудки. А набив кое-как животы, валились тут же на траву и постанывали, не столько от пресыщенности, сколько от боли. Над нами веял ветерок, и благоухали шиповник и смородина. Но сильнее был аромат диких яблок. Они покачивались, густо облепив ветви, готовые переломиться от их тяжести, радовали нас своим изобилием. И мы, поднявшись, снова принимались за яблоки. Они белы, белы наши зубы, и в лесу только и слышно: хруст-хруст... (Перевод Г. Садовникова)

В повести речь идет о сороковых годах прошлого века, когда на западе страны бушевала война. И хотя с тех пор прошло много десятков лет, дикие яблони на горных склонах Жетысуского Алатау по-прежнему щедро плодоносят.

* * *

Природа одной из жемчужин Южного Казахстана, **заповедника Аксу-Жабаглы**, в каждое из четырех времен года расцветает своими, только ей свойственными красками.

У подножия белоголовых вершин колышутся альпийские луга, утопающие в разноцветье горных трав и цветов. Склоны, покрытые зарослями арчи, удивительно густые леса, зеленое покрывало ложбин, своенравные речки, шумно бегущие по глубоким ущельям, кристально чистый воздух – это и есть земля обетованная.

Заповедник Аксу-Жабаглы – богатейшая природная сокровищница редких и исчезающих видов животных и растений. Здесь водятся архары и горные козлы тау-теке, олени и косули, рыси и снежные барсы, волки и лисы, медведи и джейраны, куницы и белые мыши. Здесь им не угрожает опасность, поэтому они ведут беззаботную жизнь в девственной тишине заповедника.

И птицы тут непуганные, не таясь, порхают с утра до вечера, а певун-соловей, выводящий мелодичные трели, с восторгом славит пиршество жизни. Медленно парящие в бездонной синеве беркут, белоголовый и черный грифы, горный орел и сокол, похоже, не добычу выискивают, а просто летают, наслаждаясь высотой и мирной жизнью. Перескакивающего с камня на камень пятнистого кеклика можно поначалу даже не заметить – он с шумом взлетит прямо из-под ног. Перышки райской мухоловки, затаившейся на ветке дерева в густом лесу, переливаются богатством красок, как крылья павлина. А откуда-то издалека слышна песнь сказочной синей птицы...

Весной и летом Аксу-Жабаглы превращается в край цветущих тюльпанов, расстилающихся ярким ковром на склонах гор. Дурманивший аромат цветов и алых бутонов, раскрывающихся навстречу солнцу, вызывает блаженство. Южане говорят, жизнь человека, вдохнувшего зеленой весной запах первых тюльпанов, удлиняется на три года. Возможно, цветок жизни, о котором говорится в сказках, и есть тюльпан.

О происхождении наименования Аксу-Жабаглы бытует особая легенда. Когда-то давным-давно в благодатных ущельях Западного Тянь-Шаня кочевники мирно пасли скот и жили между собой в согласии. Но однажды враг, с завистью наблюдавший со стороны за их богатой жизнью и счастливым стойбищем в прекрасных горах, заслал к ним лазутчиков и, выбрав подходящий момент, внезапно напал. Скотоводы уже не раз подвергались захватническим набегам, поэтому быстро собрали юрты, нехитрый скарб, навьючили всё на лошадей и верблюдов и перевезли вместе с женщинами, детьми и стариками в безопасное место, а на прежнем стойбище, где предстояло поле битвы, остались только воины-мужчины. Схватки следовали одна за другой, то победа, то отступление, то атака, то осада – словом, жестокая война растянулась ровно на два года.

В конце концов казахи, которые жизнью не щадили ради родной земли, одержали окончательную победу, наголову разгромив и выгнав врага из своих пределов. Аул вернулся на родную стоянку, на место своего счастливого обитания. И тогда кобыла, которая два года назад, будучи жеребой, не смогла последовать за удаляющимся караваном, заслышав шумно возвращающиеся табуны сородичей, вышла со ржанием им навстречу, а за ней робко постукивала копытцами пара двухлетних жеребят. Узнав свою лошадь, один из аульных аксакалов покачал головой и благодарно улыбнулся: «Ну надо же, ни врагу ни далась, ни хищникам не позволила разодрать – сохранила-таки Аксу моих жабаглы!»² С того дня и стали именовать эти окрестности Аксу-Жабаглы, то есть местностью, где жила кобыла Аксу со своими жеребятами. Две шумные речки, стремительно мчащиеся среди здешних ущелий, зовут так же: одну – Аксу, другую – Жабаглы.

Рельеф местности в заповеднике разнообразный. Альпийские луга с буйным разнотравьем и арчовые склоны, узкие ущелья с отвесными скалами и заоблачные вершины тесно связаны между собой и незаметно переходят одно в другое. Строптивые горные реки с упрямым норовом, вздымая ввысь белую пену, с грохотом низвергаются с головокружительной высоты. Белые облака, плывущие в синем небе, увидев в зеркале горных озер свое прекрасное отражение, как будто становятся еще краше. Но иногда, точно обидевшись на что-то, начинают холодно хмуриться. А бывает, налетят сплошной массой черные-пречерные тучи и гневно бросают во все стороны стрелы огненных молний. Правда, следом, как только рассеется и прояснится, а солнце, улыбаясь, очистится от туч, о недавней грозе моментально забываешь.

² Жабаглы – подросток жеребенка.

На высоте 3000 метров над уровнем моря, в котловидной впадине, куда могут добраться лишь те, кто хорошо знает горные тропы, находится драгоценная кладовая заповедника – «художественная галерея». Это множество петроглифов, нанесенных на поверхность гладкого темного камня, – изображения диких и домашних животных, сцены охоты из жизни древнего человека, примитивные орудия труда и первобытное вооружение.

Аксу-Жабаглы – край, овеянный легендами. Имя маленькой птички ерсынар, которая с первых шагов по заповеднику появляется перед каждым путником и, не зная устали, старается «угодить» ему, то и дело безбоязненно вспархивая из-под ног и снова садясь, подразумевает ее готовность пожертвовать жизнью. А почему – расскажет легенда.

Однажды коварная гадюка подползла к гнезду этой птички и собиралась проглотить ее еще неоперившихся птенцов. На счастье матери, мимо проходил путник; увидел он змею и насмерть забил гадину камчой, а затем ушел своей дорогой. Когда он удалился от гнезда на значительное расстояние и присел на круглый валун перевести дух, свернувшаяся под камнем большая ядовитая змея, не замеченная путником, недовольно зашипела и ужалила его. Вскоре он умер, а птичка-невеличка горестно заметалась, искренне переживая смерть человека, спасшего ее птенцов от верной гибели. Говорят, она оставила своему потомству наказ: «Если увидите путника, укажите ему дорогу, предупредите об опасности». Вот с тех пор ерсынар, повстречав человека, не знает покоя, снует перед ним, показывая дорогу...

Эта пичужка дружна не только с человеком, но и с крупными домашними животными. Она знает: стоит пройти корове или лошади, как затаившиеся в ветвях, в траве мошки, мухи и оводы тут же взлетают тучей – только хватай добычу.

Имя еще одной беспокойной птицы заповедника – поползень. Она тоже стала героем легенды. А предание это связано с местным озером Кызольген – «где погибла девушка». Кто только не завидовал в прежние времена богатствам благословенного Аксу-Жабаглы! Однажды заявился к здешним жителям во главе своего войска полководец одного грозного властелина, который правил половиной мира, и назначил непосильную дань. «Вот этот луг заполните отборными лошадьми, а тот – верблюдами!» – приказал он. Делать нечего, согнали наши прадеды свой потом и кровью выращенный скот на луга, указанные жестокосердным чужаком, и загоревали. Но ненасытный предводитель не удовлетворился богатой добычей. «А теперь приведите мне самых красивых девушек из вашего народа», – сказал он надменно. Услышав страшную весть, бедные матери с плачем и рыданиями принялись прятать своих повзрослевших дочерей.

Но одна очень умная и смелая девушка не растерялась, отважно вышла из толпы и предложила: «О батыр, я по доброй воле стану тебе женой. Однако ты должен сыграть свадьбу по обычаю моего народа и провести торжество на моей родине. А твои воины должны дать клятву всюду следовать за тобой». Разве трудно полководцу властелина, которому принадлежит половина мира, справить свадьбу?! К тому же девушка оказалась необычайно привлекательной. Слепленный ее красотой, предводитель чужеземного войска согласился выполнить все условия. Когда приготовления к свадьбе подошли к концу, девушка, одетая в костюм новобрачной, сказала: «О мой повелитель, по обычаю моего народа, ты должен провести обряд беташар и снять с моего лица покрывало на середине вон того озера». Молодожены сели в ладью, а когда добрались до центра озера, вода вдруг пришла в движение, образовался водоворот, который закружил лодчонку как легкую бабочку и затянул в пучину. Воины, вместо того чтобы последовать за своим предводителем, в страхе разбежались, и тогда

небо покарало клятвопреступников, превратив их в маленьких пичужек, разлетевшихся в разные стороны. Они поползли по скалам, стали, страшась друг друга, прятаться в гнездах-крепостях.

С тех пор и живет в горах одинокая птица-поползень. В этой дымчатой пичуге есть что-то жуткое – никто ее не любит, и она никого... Так заканчивается эта захватывающая легенда. Говорят, после гибели отважной красавицы озеро и стало называться Кызольген. Ну а поползень – небольшая птица чуть крупнее воробья – и в самом деле напугает человека наблюдательному воину-крепыша: коренастая, плотная, с длинными хищными когтями. Луга, на которые захватчики заставили согнать скот, народная память тоже запечатлела, они существуют в Аксу-Жабаглы и поныне: один называется Мынжылкы (Тысяча лошадей), а второй – Туйежайлау (Верблюжье пастбище).

Красочные описания неповторимой природы этих окрестностей часто встречаются в произведениях народного писателя Казахстана Шерхана Муртазы.

...Пусть окно и закрыто наглухо, но разве в силах кто-нибудь остановить взгляд мечты? Одно из самых непередаваемо удивительных свойств человека – это внутреннее видение, умение мечтать. О, да с этим умением можно разглядеть тысячу всевозможных оттенков! Мечта поможет увидеть лежащие по ту сторону призрачных гор Тюлькубас, Кемербастау и Кумисбастау. На крыльях мечты ты обойдешь берега Иирсу и Аксу, бегущих среди отрогов Дау-Бабы. Мечта проведет тебя по бархатным лугам Мынжылкы и склонам горы Улар...

Больше всего на свете Рыскул жаждал ступить на небольшой клочок бескрайнего мира, в прохладную сень Аксу-Жабаглы, взобраться по камням и перевалам на самый верх и прогуляться в девственном лесу или на зеленом жайлау...

Это и есть Тюлькубас, о котором, бывало, рассказывал отец, растолкав его среди ночи в алматинской тюрьме. Вон тот лежащий ошейником с запада на восток горный хребет, похожий на черную пантеру, – Дау-Баба. Белоснежные вершины, высящиеся над его верхушкой, – Таласский Алатау, что напротив Аксу-Жабаглы. А между ними поперек, подобно вратам, лежит гора-смулянка Кулан...

Эти отрывки взяты из романа «Огненная стрела». Чистые чувства писателя к родной земле, к ее удивительной природе будто вылились в его прозе прозрачной утренней росой; здесь, в маленьком ауле Мынбулак в окрестностях Аксу-Жабаглы, он родился и вырос.

* * *

На юге Казахстана расположены и **Казыгуртские горы**. Они не очень высокие, но и не такие уж низкие, а сгруппировались так, что издали напоминают своими очертаниями два верблюжьих горба. Самая высокая вершина зовется Кеме (Корабль). И вот почему... Испокон веков в народе ходит легенда, будто в древности, когда на земле случился всемирный потоп, корабль пророка Нуха (Ноя) пристал именно к этой горе.

*На вершине Казыгурта доживает век
Ставший у горы священной на причал ковчег.
Был на том ковчеге сирота-верблюд,
Стал он для потомства предком – праверблюд...*

Это строчки из длинного поэтического сказания, повествующего о происхождении четырех видов домашнего скота кочевников (овцы и козы, лошади,

крупный рогатый скот и верблюды). С незапамятных времен кочует оно в памяти народной от потомка к потомку.

Конечно, предание о Казыгурте перекликается с известным библейским мифом о Мировой горе и Ноевом ковчеге. Однако у казыгуртской легенды свои особенности. Одна из них очевидна – это поэтический слог сказания. Вполне естественно, что правдивость легенды сразу может вызвать сомнения из-за того, что, как уже упоминалось выше, Казыгуртские горы не очень высокие. Как же в них мог укрыться от потопа корабль Ноя? Чтобы рассеять эти подозрения, можно обратиться к другой легенде – «Семь братьев Казыгурта». В ней говорится: «Когда землю залил всемирный потоп, Казыгурт с помощью Создателя поднялся выше себя, и к нему причалил корабль пророка Нуха. Тогда из зависти горы повыше, рассердившись, решили утопить его в воде. Понял их намерение Казыгурт и призвал к себе все большие и маленькие вершины в округе:

*Сыну славному Ордабасы клич мой передай,
Дочери моей Кызылсенгир зов мой передай,
Мансары, Баганалы и Каржану с Космолой
Передай, что брат их старший призывает всех домой.
На обратном же пути
К Кыныраку подойди...*

Услышав клич Казыгурта, высокие горы подумали-подумали и решили: раз эта вершина сама собой подросла, значит, она и впрямь священная, – и от своего первоначального намерения отказались. Лишь только гора Кынырак (Скривившаяся), обидевшись, что ее позвали последней, отвернулась от Казыгурта и с тех пор так и осталась кривой».

«Горы... Они что? История? Или нагромождение обычных камней? Отчего наши прадеды-кочевники всегда связывали их с судьбой человека?..» – эти пытливые вопросы невольно пробудятся в голове путника, устало бредущего по степи. В древние времена для кочевников, которые всю свою жизнь проводили на спинах лошадей или между горбов верблюдов, Великая степь была необъятным пространством их кочевой жизни, а горы как бы продолжением этого простора в небесах, дорогой, связывающей степь с Тенгри (Властелином Неба). Возможно, поэтому длинные и высокие горные цепи, помеченные на всех мировых картах как **Тянь-Шань**, номады называли **Тенгритай – горы Тенгри, Небесные**.

Угам – один из наиболее крупных хребтов Западного Тянь-Шаня. Внизу его подножие красиво обрамляет река Угам, сверху она выглядит такой яркосиней, будто подкрашена медным купоросом. На берегах, тесня друг друга, растут тополя, плакучая ива, колючий шиповник, миндаль и множество разных фруктовых деревьев. В водах щедрыми косяками вьется царская рыба – радужная форель. Однако попасть в Угамское ущелье нелегко. Каменистая тропа извивается как хвост полоза, с одной ее стороны – глубокая пропасть, с другой – отвесные скалы. Когда все-таки проберешься по одному из труднодоступных серпантинных этой тропы в ущелье и с облегчением выдохнешь, перед тобой откроется местная достопримечательность – аккуратно выстроившиеся **скалы Кырыккыз (Сорок девушек)**.

Это одно из самых волшебных творений природы. Словно собравшиеся в группу девушки, стоят очень похожие между собой живописные высокие утесы. Безбрежна человеческая фантазия. Народ не только уподобил эти скалы сорока девушкам, но и сочинил об их происхождении увлекательную легенду.

...В старину у одного бая была красавица-дочь. Незаметно девушка подросла, настало время приехать в аул жениху, с которым ее сосватали еще в колыбели. И вот, услышав, что он едет, всеобщая любимица и баловница созвала подруг и старших снох и вместе с ними вышла встречать нареченного. Но, увы, рядом с радостью всегда соседствует беда... Жила в этом ауле злая колдунья, не вынесла она счастливой суеты, царившей среди юных красавиц, ожидающих приезда жениха, и, снедаемая завистью, призвала колдовские силы и превратила девушек в каменные скалы...

Увидев собственными глазами в Угамском ущелье знаменитые Сорок девушек и Скалу-Жениха (Кюйеутас), невольно поразишься: то ли это легенда, то ли быть – настолько изваяния природы соответствуют рассказу, как будто в них и в самом деле скрыта таинственная загадка...

Холм Ордабасы – одно из тех мест в Южном Казахстане, где каждый камень – свидетель истории. Известно, что в 1723 году захватнические планы джунгар представляли серьезную опасность для казахской земли.

*С вершин Каратау спускается горестный кош,
Верблюда порожнего бьет неумная дрожь –
Как тяжело лишиться любимой стоянки в горах,
И слезы блестят в его черных огромных глазах...*

Так начинается полная печали и горечи народная песня «Елим-ай», родившаяся именно в этот период. В трудное и опасное время три знаменитых казахских бия Толе, Казыбек и Айтеке собрали у подножия Ордабасы народ и после долгих раздумий нашли единственно верное историческое решение – объединили три жуза в одно общее государство, заложив тем самым фундамент Казахского ханства. Говорят, на этот совет собрались казахи из разных уголков Великой степи, прибыли все, кто способен был держаться верхом. Объединив силы в мощный боевой кулак и действуя отныне сообща, защитники родины стали одерживать одну победу за другой и отстояли огромную территорию, доставшуюся им от далеких пращуров. И это уже не легенда, а историческая истина.

На западе от Ордабасы не спеша перекачивает свои волны река Арысь. Она берет начало в горах Аксу-Жабаглы и отправляется в далекое путешествие, чтобы в конце пути влиться в Сырдарью. Ближний к Ордабасы берег Арыси представляет собой холмистую пустыню, заросшую горькой полынью. Панораму этой пустынной степи на знойном пике лета талантливо рисует живописными мазками известный казахский писатель Дулат Исабеков в своей повести «Полынь».

Жара стояла – не продохнуть. Воздух будто спекался в легких; казалось, даже вурона, этого черного странника, привыкшего к любым передрягам, вот-вот хватит солнечный удар. Гривастая холка далеких холмов, которые будто отгородили степь от всего остального мира, срезана точно саблей, растворена в зыбком мареве. Вершины Алатау и горбящиеся спины его хребтов, обычно белевшие вдали, теперь исчезли, испепеленные неистощимым солнцем. Куда ни глянь – синее море плещется перед глазами, медленны, текучи его волны, и нет им ни конца ни края. Мягкая, бархатная дорожная пыль обжигает босые ноги. И кто поверит сейчас, что в эту знойную, вскипевшую маревом степь тоже приходит зима? Солнце, будто приклеенное, висит в одной точке, словно ему лень тронуться вперед и нет мочи повернуть назад. Даже степные жаворонки, обычно вспархивающие, чуть слышат шаги, и те не шелохнутся, пока не приблизишься к ним вплотную, – видно, и они не в

силах расстаться со спасительной тенью, которую нашли в густой полыни. Утонули в мареве аулы у подножия гор, а до них и вовсе рукой подать – не успеет казан вскипеть, уже дойдешь, и лишь огромные тополя, чуть приподнятые над землей, торчат вдалеке обгорелыми спичками.

На юго-западе Казахстана, широко разлившись, неторопливо течет река **Сырдарья**. «Дария» означает обильная водой, очень большая река. Сыр начинается от слияния двух рек – Нарына и Карадарьи, и, пройдя путь длиной более 2200 километров, впадает в Аральское море. Эта река питает жизнь всей Средней Азии, орошая своими водами цветущие сады, бахчи и виноградники, радующие глаз белоснежные хлопковые плантации. В середине лета, в самый пик оросительного сезона, она, «запыхавшись» от перенапряжения, даже не дотягивает до моря. Бедная река! Как же ей не задыхаться! Разве ее не душат с нескольких сторон Кайраккумская, Фархадская и Шардаринская гидроэлектростанции?! Сегодня никто не сможет даже сосчитать бесчисленные большие и маленькие оросительные каналы, арыки и поливные рукава, выведенные из ее русла... Она словно Мать для народов Средней Азии – Великая река. С незапамятных времен Сырдарья наша кормилица и краса земли нашей, которой мы дорожим, которую ценим и почитаем, поэтому народ ее издревле как преданный сын называет Сыр-Аной – Матерью Сыр.

...Жил когда-то в далекую старину наш дальний предок по имени Коркыт, человек мудрый, прозорливый и ясновидящий. Вместе со своим народом обитал он на берегах великой Сырдарьи. Был Коркыт непревзойденным музыкантом, сотворил печальный кобыз и лучшие всех исполнял на нем задушевные кюи. Так и жил: объезжал аул за аулом, играл для народа музыку и рассказывал поучительные истории, удивляя всех талантом, мудростью и милосердием. Однажды приснился Коркыту вещий сон, и явилось предсказание: «Если ты не будешь говорить о смерти, навсегда останешься бессмертным».

Прошло какое-то время. Коркыт никогда не поминал смерти, все так же играл на кобызе и странствовал по аулам. Однажды, когда он гостил в юрте одного почитаемого человека, хозяйский вол, стоявший на привязи во дворе, неожиданно сорвался и убежал в степь. Никому не давал себя поймать. В погоню за упрямым животным устремился и Коркыт, а когда совсем притомился, в сердцах воскликнул: «Умру, а тебя так и не поймаю!» И тут же пожалел, что неосторожные слова слетели с губ. После того вещего сна его уста ни разу не произносили ничего, связанного со смертью, а тут... Коркыт опечалился и впал в уныние, не зная, как исправить оплошность и найти способ избежать смерти. Сел он на скакового верблюда и объехал в странствиях поочередно все четыре стороны света. И везде, куда бы ни приехал, видел, как роют свежую могилу. «Для кого копают?» – спрашивал Коркыт, а в ответ слышал: «Для святого Коркыта». Сколько бы ни странствовал мудрец по миру, но смерть его преследовала всюду. Задумался Коркыт, решил прекратить бесполезное бегство и вернуться домой, к берегам Сырдарьи. Когда он приехал в родные места, его вдруг осенило: если идти по твердой земле, смерть его быстро догонит, поэтому он расстелил свой шелковый ковер на поверхности Сырдарьи, сел на него и отправился по течению, наигрывая на кобызе. По милости Тенгри ковер не промокал, не изнашивался от старости и много-много лет бороздил воды реки словно корабль, став для Коркыта островком, до которого не могла дотянуться смерть.

Всё живое на земле с наслаждением внимало чудесной музыке старца. Заслышав его, птицы в небе останавливали свой полет, утихал степной ветер, замирали все живые создания. Даже сама смерть млела от дивных мелодий, не в силах приблизиться к Коркыту. А он, не зная устали ни днем

ни ночью, всё играл и играл на кобызе, состязаясь с караулившей его смертью. Но вот однажды Коркыта, который много лет не знал покоя, сморил глубокий сон. Смерть наконец освободилась от чар его музыки, забралась на ковер маленькой ядовитой змейкой и смертельно ужалила Коркыта...

Так пересказывает эту легенду наш выдающийся ученый, академик Алькей Маргулан в своей книге «Древние сказания и легенды».

Аральское море издревле привлекало внимание представителей разных народов. Эллыны называли его Скифским озером или Оксийским морем, причем Оксом они именовали реку Амударью. Арабский ученый Ибн-Хордадбех в своем трактате «Книга путей и стран» называет Арал Курдерским озером, а видный персидский географ Истархи – Хорезмским... Чужеземные путешественники, побывавшие в этих местах, оставили множество разнообразных свидетельств об Арале. Один из них, российский исследователь А. И. Бутаков, возглавивший в 1848–1849 годах одну из первых научных экспедиций по изучению Арала, был с почтением прозван «Магелланом Аральского моря».

Побережье Арала – давнее место обитания наших далеких предков, которые пасли скот в окрестностях и ловили рыбу. Дыхание плещущего моря, дуновение степного ветерка, напоенного запахом полыни, веют с каждой страны знаменитой трилогии «Кровь и пот» известного казахского писателя Абдижамила Нурпеисова, удостоенного за этот труд Государственной премии СССР.

К сожалению, современный Арал терпит грандиозную экологическую катастрофу. Площадь прежнего, четвертого по величине в мире озера сократилась в десять раз, а само море распалось на несколько частей. Южный – Большой Арал – практически высох, сохранив на востоке и западе лишь узкие сегменты, а в центре теперь безжизненная пустыня Аралкум. Белая токсичная соль, которую ветер поднимает с высохшего ложа, достигает аж Северного Ледовитого океана. По словам космонавтов, ее видно из космоса, а очертания самого озера за этим сплошным облаком белой пыли невозможно разглядеть. Уходящему Аралу посвящен роман Абдижамила Нурпеисова «Последний долг». Северный – Малый Арал, находящийся на территории Казахстана, благодаря строительству Кокаральской плотины удалось сохранить и вернуть к жизни.

* * *

Обширную **Торгайскую низменность**, расположенную на западе страны, разделяют отроги Уральских гор, растянувшиеся до самого Центрального Казахстана. Наурзымский сосновый бор, пустивший свои корни в благодатной песчаной почве этой низменности, запомнится вам как незабываемая чарующая картина. Просто удивительно, в какой потрясающей гармонии переплетаются здесь полынная степь и сосновый лес, скудные солончаки и озёра с горько-соленой водой, на берегах которых шумят густые девственные заросли. «**Наурзымский заповедник** – выставка географических контрастов», – как точны эти слова, найденные кем-то из путешественников.

Ну а общую панораму Торгайской степи тонко описал одаренный казахский писатель Толен Абдииков в своем романе «Межлуние».

Беря исток в невысоких горах Арки, изгибаясь с востока на запад подобно луку, неторопливо бежит через просторную степь река Жыланды. Ее путь протекает через серую равнину с бурой почвой, заросшей перистым ковылем, полынью и солончаковым ежевником, через небольшие песчаные холмы, возвышающиеся бугорками, точно небо коровы над языком, через ложа озер, превратившихся в белые солончаковые пустоши, и низины с круглыми, как котел, ложбинами, а во время весеннего половодья она вливается в Ащыколь.

В летние месяцы вода в реке мелеет, превращается в прерывистую линию стоячих болотцев где-то с пресной, где-то с соленой водой, местами окаймленных зарослями камыша и тростника, а кое-где одиноко торчащими пучками ивняка. Поскольку берега ее круты и высоки, для добывания жизненно необходимой влаги она неудобна. Большинство людей в поисках пригодных пастбищ живут здесь разбросанно, а питьевую воду добывают из колодцев, они и скот привыкли поить колодезной водой.

* * *

При слове **Мангистау** в памяти всплывают голая, словно выметенная степь, окутанные маревом и белесой пылью скалы, жаркое солнце, обжигающее птицам крылья, и плещущееся, сливающееся с горизонтом голубое море. Это море древние греки называли то Гирканским, то Персидским. Арабы тоже давали ему в разные периоды истории разные названия: Хорасанское, Хазарское, Джурданское. В древнеперсидских письменных источниках встречается его упоминание как Гурземского. Как бы там ни было, одно неоспоримо – это огромное озеро издревле именовали морем, и до нашей эпохи оно дожило как Каспийское. По мнению историков, ему присвоили имя некогда проживавшего здесь древнеиранского кочевого народа каспий, занимавшегося коневодством. Сегодня на казахстанском берегу седого Каспия сияет своею красотой город Актау, похожий с моря на белую чайку.

Среди самых интересных, зрелищных достопримечательностей региона следует прежде всего назвать наиболее ранние из известных в степи древних некрополей и удивительное по красоте плато Устюрт. От Форт-Шевченко до мавзолея Акшора-Бельтора в окрестностях Таушыка по вьющейся тесемкой дороге не так уж далеко. Мавзолей – место вечного упокоения двух влюбленных, которые при жизни так и не смогли соединиться. Об этой истории народ сложил печальную легенду.

В безводной степи жили по соседству два аула, которые вечно спорили из-за маленького источника, служившего водопоем для скота. Один из них назывался аулом Дурды Кылыша, а другой – аулом Таласбая. Однажды, когда сын Таласбая Бельтора отправился к источнику, чтобы напоить верблюдов, он обнаружил, что соседи привели на водопой свой скот. Бельтора, завидев стоящую у источника дочь Дурды Кылыша Акшору, отогнал своих верблюдов в сторонку и стал вежливо ожидать, когда освободится место. Акшоре пришлось по душе поступок юноши, она украдкой бросила взгляд на Бельтору... С этого самого момента девушка и джигит полюбили друг друга.

Разве утаишь что-нибудь от людской молвы – в конце концов новость достигла ушей Дурды Кылыша. Рассердился отец Акшоры, решил, что ни за что не станет свататься с Таласбаем, ведь их роды издревле враждовали, и в одно прекрасное утро, от греха подальше, он снялся с аулом с места и откочевал подальше. Однако влюбленный Бельтора всё равно нашел любимую. Под покровом ночи молодые сели верхом на коней и умчались прочь, но за ними тотчас устремилась погоня. Когда несчастные достигли того самого источника, из-за которого враждовали их родичи, и осознали, что им не удастся спастись от преследователей, они взялись за руки, взобрались на высокую скалу, прыгнули вместе вниз и разбились о камни...

Когда речь заходит об Устюрте в центре Мангистау, нельзя обойти молчанием Шеркалу – удивительную гору, возвышающуюся на голом плато. Издали она напоминает одинокую белую юрту, возведенную на широком просторе. В ясные дни крутые, отвесные склоны этой белесой горы, отражаясь в солнечном свете, клубятся сказочными миражами и обманывают глаза множеством

призрачных образов. Если посмотреть на гору с другой стороны, она походит на спящего льва. Название Шеркала в дословном переводе с туркменского языка означает «львиная гора», «гора, где водится лев». Ну а прямой перевод этого названия с казахского указывает на «печальный, тоскливый город». Возможно, так оно и есть...

Увлекательное предание повествует о том, что некогда на этой горе укрепился коварный захватчик, принесший местным жителям немало бед. Взобраться на вершину Шеркалы непросто, поэтому взять вражескую крепость было весьма сложно. К тому же в старину на вершине Шеркалы был вырыт колодец. Враги качали оттуда воду, заранее припасенной еды оказалось вдоволь, поэтому осада им тоже была не страшна. И тогда мудрые старцы посоветовали, что недруга следует взять хитростью: вырыть подкоп к колодцу и лишить осажденных воды. Воины стали дружно копать, вклиниваясь в глубь горы всё дальше и дальше, и наконец добрались до цели. Когда посудина, опущенная в колодец, вернулась порожней, враги осознали: либо они будут уничтожены, либо им суждено погибнуть от жажды. Посчитав подобный конец бесславным, они с сожалением сдались противнику...

Если на востоке Казахстана самая крупная река Иртыш, то на западе – **Жаик (Урал)**. Она начинается среди хребтов Уральских гор, мчится по узким ущельям, а ниже города Верхнеуральска разливается по равнине. Пройдя через Башкортостан, Челябинскую и Оренбургскую области Российской Федерации, Урал втекает на территорию Западного Казахстана, а неподалеку от города Атырау впадает в Каспийское море.

Баянаульское озеро Сабындыколь навевает воспоминания о Козы-Корпеш и Баян-сулу, а когда видишь Жаик, мысленно сразу обращаешься к главному алмазу в коллекции казахских эпосов – лиро-эпической поэме «Кыз Жибек». В ней река описана как родина луноликих красавиц с устами, подобными юному месяцу.

Уже в самом начале этой прекрасной поэмы заезжий купец говорит Тулегену:

*– Чтоб скорее отыскал невесту ты,
Про далекий я поведаю аул.
Попрошу потом за новость суюнши,
А пока к Жаику светлому спеши.
Шесть родов зовутся там Алты Шекты,
В них найдешь, джигит,
что ищешь для души.*

Перевод Б. Канапьянова

А далее Тулеген беспокойно кочует от аула к аулу и встречается одну красавицу краше другой, без конца спрашивая странствующего вместе с ним Каршыгу: «Не это ли Жибек?»

Берега Жаика – благодатное место, где царит живительная прохлада, а душа находит целебный покой и умиротворение. Под ветерком речная гладь причудливо волнуется, словно пускается в пляс.

* * *

Где-то между 1361 и 1370 годами в казахской степи родился певец-сказитель, поэт и философ Хасан Сабитулы, известный в истории как Асан Кайгы – Асан Печальный. Как повествует легенда, он вдоль и поперек исходил Великую степь в поисках земли обетованной Жеруйык, где жаворонки откладыва-

ют яйца прямо на спинах овец, где ягнята мирно пасутся вместе с волками, где травы сочны и обильны, а земля медовая, где царит вечная весна. Объездив в своих странствиях всю казахскую землю, Асан каждому краю дал свою оценку, воспел каждый степной уголок и оставил последующим поколениям драгоценные строки своих поэтических наблюдений, которые быстро стали крылатыми и разлетелись по родным просторам пословицами и поговорками. Долго искал Асан Жеруйык, но если где-то ему и удавалось найти одно из качеств взлелеянной в мечтах благословенной земли, то другого не обнаруживал. В конце концов пришел он к заключению, что для каждого человека земля обетованная – его родной край.

Что же Асан Кайгы говорил о тех местах, где мы с вами побывали?

Когда пути-дороги занесли странника в окрестности Казыгурта, грудь его захлестнуло искреннее волнение:

*Изобильных, райских уголков немало –
Только самый благодатный, видно, тут.
Средь джигитов наших смельчаков немало –
Только главные герои здесь растут.*

Правда, горные пастбища показались ему тесноватыми, а равнинных оказалось маловато, поэтому Асан не стал здесь надолго задерживаться и отправился дальше.

Семиреченская округа поразила его щедростью плодов: «Чеснок здесь отборный, земляника размером с почку, а яблоки – с сердце!» Но и Жетысу Асан не посчитал землей обетованной.

Балхаш запомнился путнику так: «Рыбы тут видимо-невидимо, стоямя стоит, будто табун стригунков, вставших на дыбы, а птицы шумят, точно бесчисленные отары овец. Благодатное озеро, не оставит бедняка голодным. Вода соленая, рядом пустыня, зимой часто бывают бураны. И хотя камыш защищает от ветра и идет на пропитание скоту, лето слишком жаркое, место для стойбища неподходящее».

Увидев Кокше, Асан отметил: «День дождливый, ночь ясна – что за странная земля!» А когда подъехал к Сырдарье, изумился многочисленности скота, пасущегося на ее берегах: «Милая Акмечеть³! Под каждым твоим кустом лежит кусок мяса. Но на земле вашей слишком пыльно – береги скот, чтобы не пал...»

Да, сколько ни странствуй, но что может сравниться с землей, которую оросила кровь твоей пуповины?

«Для каждого родной край – его земля обетованная» – насколько верные слова!..

*Перевод с казахского
Майры ЖАНУЗАКОВОЙ*

³ Прежнее название Кызылорды.